

УДК 811.131.1-112

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-62-68

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ДЖ. М. АЛЕССАНДРИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ И ИСПАНИЕЙ В XVI ВЕКЕ

Л. И. Жолудева

Московский городской педагогический университет, Москва

Статья посвящена малоизвестному лингвистическому сочинению XVI века – сопоставительной грамматике испанского и итальянского языков (“Il paragone della lingua toscana et castigliana”, 1560) неаполитанца Джованни Марио Алессандри. Эта грамматика, адресованная в первую очередь придворным – как итальянцам, изучающим испанский, так и испанцам, изучающим итальянский, среди итальянских грамматических сочинений XVI века во многих отношениях стоит особняком. В ней отсутствуют примеры из литературных произведений XIV в., послуживших основой для итальянской языковой нормы, содержатся любопытные наблюдения социолингвистического порядка (например, касающиеся социальной иерархии и ее отображения на языковом уровне), наконец, она отражает некоторые особенности мировоззрения испанцев и итальянцев, складывающиеся в эпоху Контрреформации. Взгляды Дж. М. Алессандри на язык, в частности на критерии его нормализации, близки взглядам Б. Кастильоне, Дж. Триссино и других сторонников теории «придворного» языка.

Ключевые слова: *история итальянского языка, история романского языкознания, грамматикография, итальянский язык XVI века, споры о языке, языковая норма.*

В XVI в. в политической и культурной жизни Европы происходят важнейшие изменения, во многом предопределившие то, как в дальнейшем складывалась судьба европейской цивилизации. Так, некоторые из государств, пройдя этап централизации, в этот период переходят к внешнеполитической экспансии и переживают небывалый подъем национального самосознания. Что касается Италии, до ее превращения в единое государство пройдет еще не одно столетие, однако по целому ряду причин именно она на пороге Нового времени станет одним из центров политического притяжения и культурного влияния.

Итальянские войны (1494–1559), серия столкновений между Францией и Испанией, завершившихся разделом сфер влияния между этими государствами по Като-Кабрезийскому мирному договору, привели, в частности, к тому, что большая часть областей, составляющих сейчас территорию Италии, оказалась под прямым управлением или в непосредственной политической зависимости от Испании. По всей видимости, это повлияло на формирование итальянской национально-культурной идентичности: итальянские земли фактически впервые после распада Римской империи оказались под единым управлением (пусть и извне), а жители этих земель как бы «от противного» осознали себя итальянцами, а не только жителями своего города или региона.

Усиление национального компонента итальянской идентичности, противопоставленного региональному / муниципальному [1–3], привело и к тому, что XVI в. в Италии прошел под знаком «споров о языке» (*questione della lingua*), связанных с

поиском ориентиров в процессе нормализации литературного языка [4, 5]. В результате, несмотря на все сложности, связанные с консолидацией и кодификацией языковой нормы, уже к середине столетия в распоряжении итальянцев оказалось новое средство языковой самоидентификации – литературный итальянский язык, обладающий нормативной грамматикой (а с 1612 г. – также академическим словарем). Учитывая особенности итальянской языковой ситуации (прежде всего имеется в виду диалектное разнообразие, сохраняющееся и поныне), нормализация языка потребовала ряда компромиссов, важнейшим из которых был отрыв кодифицированной нормы от живого узуса. Фактически ориентирами при нормализации языка стали произведения классиков итальянской литературы XIV в., а не живой диалект Флоренции (или какого-либо иного итальянского города или региона) XVI в. Авторы первых итальянских грамматик, задавших направление для дальнейшей работы над формированием литературного языка, приводят цитаты из Петрарки и Боккаччо (реже – Данте) в качестве иллюстрации и обоснования теоретических положений, а авторы художественных произведений и трактатов обращаются к языку писателей как к стилистическому ориентиру (в том, что касается не только словоупотребления или грамматики, но и синтаксиса) [6].

Интенсивные языковые и культурные контакты с иберо-романским миром – прежде всего с Испанией [7] – для Италии XVI в. были важны в числе прочего как возможность взглянуть на себя, свою национально-культурную идентичность и свой язык со стороны; кроме того, эти контакты в значи-

тельной степени способствовали тому, что итальянский язык быстро приобрел популярность за пределами Италии. Весьма любопытный материал для наблюдений в данной связи представлен в сопоставительной грамматике итальянского и испанского языков, написанной Джованни Марио Алессанри. Грамматика Алессанри заслуживает подробного рассмотрения с позиций истории итальянской и испанской грамматикологии, невозможно в рамках отдельной статьи, поэтому здесь мы ограничимся предварительными наблюдениями, призванными охарактеризовать это сочинение с социокультурных позиций и определить его место в лингвистическом контексте эпохи.

«Сопоставление тосканского и кастильского языков» было издано в Неаполе в 1560 г. Место издания не случайно: южная Италия еще раньше северной оказалась в иберо-романской культурной орбите (Арагонская династия пыталась контролировать юг Италии, конкурируя с анжуйской династией, с конца XIII в.); с начала XVI в. Неаполь стал местом резиденции испанского вице-короля, а испанский язык – одним из языков делопроизводства и придворного общения (наряду с латинским, итальянским и обработанными формами местных диалектов [8]).

Во вступлении к грамматике (а точнее, в посвящении адресату, герцогу де Монтальто) Дж. М. Алессанри описывает свой опыт изучения испанского языка при дворе и отмечает, что почти все «иностранцы» (“forestieri”) там учатся говорить по-испански естественным путем, наблюдая за узусом носителей языка (“per uso”), и часто их владение испанским в результате такого стихийного обучения оказывается несовершенным. Изучению языка методом погружения Алессанри противопоставляет «длительное чтение и точнейшие наблюдения» (“lunga lettione e osservationi

certissime”)¹, результат которых представлен в его «Сопоставлении тосканского и кастильского языков» (“Il paragone della lingua toscana et castigliana”). Несмотря на то, что грамматика адресована конкретному лицу (к которому автор неоднократно обращается не только во вступлении, но и в процессе изложения), ее структура и оформление очевидным образом предполагали ориентацию на обширную и лингвистически неоднородную аудиторию. Книгой могли пользоваться как итальянцы, изучающий испанский, так и испанцы, изучающие итальянский; для удобства разграничения частей изложения, адресованных тем и другим, применяются разные шрифты (итальянский текст и примеры на итальянском набраны курсивом).

Наблюдение Алессанри, касающееся «несовершенного» испанского языка иностранцев-придворных, интересно тем, что оно косвенным образом свидетельствует о возможности коммуникации между испанцами и итальянцами без системного изучения ими языков друг друга. Этому способствовала и типологическая близость между испанской и итальянской языковыми системами², и традиции придворного общения. Как отмечал П. Бембо, описывая языковую ситуацию в римской курии, язык двора нестабилен и меняется в зависимости от происхождения папы и состава придворных³; при этом важным оказывалось не столько совершенное владение придворных языками, сколько их умение донести мысль. Кроме того, из-за особенностей языковой ситуации в Италии испанцы там сталкивались, по сути, с теми же проблемами, какие испытывали сами итальянцы, оказываясь в регионе, диалект которого им был непонятен. Неудивительно, что основой для итальянской нормы стал флорентийский диалект, один из диалектов Тосканы, отличавшихся максимальным консерватизмом на фонетическом уровне и в силу этого об-

¹ “...per poter meglio seguir quegli studi ... nell'ampio e fertilissimo campo delle lingue secondo il poter mio mi sono affaticato, e fra l'altre ultimamente attorno al parlar Castigliano, il quale per haver io avertito nella Corte di Spagna poco tempo fa esser copioso, leggiadro e con molta autorità, mi sforzai di impararlo non solo per uso come sogliono quasi tutti i forestieri (benché spesse volte imperfettamente) ma ancora per lunga lettione e osservationi certissime” (G. M. Alessandri “Il paragone...” Allv-Alllr).

² Как пишет М. Мейден, «...не будет преувеличением утверждать, что различия между некоторыми итальянскими диалектами, особенно теми, что далеки друг от друга в географическом отношении (например, диалектами Турина и Потенцы), так же велики – или еще больше, – чем различия между современными итальянским и испанским языками» (перевод мой. – Л. Ж.) (“...non è affatto un'esagerazione affermare che la differenza tra alcuni dialetti italiani, specialmente tra quelli geograficamente più distanti l'uno dall'altro (poniamo il torinese e il potentino), è uguale o maggiore di quella tra l'italiano moderno e lo spagnolo moderno”) [9, с. 19].

³ Ma le romane si mutavano secondo il mutamento de' signori che facevano la corte, onde quella una che se ne generava, non istava ferma, anzi, a guisa di marina onda, che ora per un vento a quella parte si gonfia, ora a questa si china per un altro, così ella, che pochi anni adietro era stata tutta nostra, ora s'era mutata e divenuta in buona parte straniera. Perciò che poi che le Spagne a servire il loro pontefice a Roma i loro popoli mandati aveano, e Valenza il colle Vaticano occupato avea, a' nostri uomini e alle nostre donne oggimai altre voci, altri accenti avere in bocca non piaceva, che spagnuoli. Così quinci a poco, se il cristiano pastore, che a quello d'oggi venisse appresso, fosse francese, il parlare della Francia passerebbe a Roma insieme con quelle genti, e la cortigiana lingua, che s'era oggimai cotanto inispanuolita, incontanente s'infranceserebbe, e altrettanto di nuova forma piglierebbe, ogni volta che le chiavi di S. Pietro venissero a mano di possessore diverso di nazione dal passato (P. Bembo “Prose della volgar lingua”, I, 13).

наруживавших наибольшее количество очевидных параллелей и с латынью, и с другими романскими языками.

На тосканских диалектах сочинялись литературные произведения, пользовавшиеся успехом и за пределами региона; по-видимому, их – по крайней мере, отчасти – могли оценить и испанцы. Так, известно, что в 1536 г. по случаю визита Карла V в Сиену была впервые показана комедия А. Пикколони «Постоянство в любви» [10, с. 293], а затем, в 1551 г., в Милане комедию Н. Секки¹ показали наследному принцу, будущему Филиппу II. Представление на итальянском языке продолжалось более 6 часов, но принц наблюдал за представлением с интересом и высоко оценил мастерство актеров [11, с. 140]. Другим косвенным свидетельством успешной коммуникации между итальянцами и испанцами можно считать дошедшие до нас деловые документы (письма, заметки, распоряжения) южноитальянского происхождения; эти тексты отражают ситуацию переключения и смешения кодов, возможную тогда, когда говорящие на разных языках понимают друг друга, по меньшей мере, частично [12–14].

Алессандри пишет, что источником сведений о правильном кастильском узусе для него послужили произведения «лучших писателей», многократно прочтя которые, он смог изложить «основы» испанского языка². Однако вопреки тому, что можно было бы ожидать, учитывая особенности итальянской грамматической традиции, и в частности знакомство грамматиста с трудами Ф. Фортуньо и П. Бембо [7], он не иллюстрирует теоретические положения цитатами из литературных произведений. Испанские примеры, если и приводятся, то представляют собой отдельные слова, словосочетания или специально сочиненные фразы. То же самое касается и итальянских языковых структур: в отличие от авторов наиболее авторитетных итальянских грамматик XVI века, Алессандри не цитирует Петрарку, Боккаччо и Данте. К авторитету писателей грамматист апеллирует лишь в отдельных случаях, например, когда в итальянском языке наблюдается вариативность, и один из вариантов «чаще встречается у хороших писателей» (“Vogliono molti che ‘l futuro della prima conjugatione Toscana si scriva e si pronuntii per e, come è detto nella penultima sillaba. Altri la scrivono e la pronuntiano per a, come andarò, andaraì, andara, andaremo, andarete, andaranno, ma più s’usa in e da buoni autori” PVIIIv-PVIIIr).

Подобная позиция Алессандри в том, что касается иллюстративного материала в грамматике, мо-

жет иметь несколько объяснений. Во-первых, ко времени ее публикации итальянский язык уже обладал кодифицированной нормой, и споры, касающиеся того, что взять за ее основу, давно окончились выбором в пользу языка флорентийских писателей XIV века. Цитат из их произведений больше всего было в первой, опубликованной в 1516 г., грамматике итальянского языка (Ф. Фортуньо “Regole grammaticali della volgar lingua”), где фактически задокументирован процесс лингвистического нормотворчества: он выглядит как сопоставление вариантов, представленных в текстах классиков, и закрепление их «хорошего узуса». В «Беседах о народном языке П. Бембо (“Prose della volgar lingua”, 1525) цитат из литературных произведений уже меньше, а уже в следующие десятилетия начнут появляться сокращенные версии этих и других авторитетных грамматик [15, с. 103–138], содержащие только грамматические правила и прочие указания, без подкрепления их обильным цитированием образцовых текстов. Во-вторых, грамматика Алессандри была предназначена не только для италогонов: как уже говорилось, ее непосредственным – но явно не единственным – испанским адресатом был герцог де Монтальто. Для испанской грамматической традиции опора на литературные образцы, несомненно, была важна, но предпосылок для того, чтобы они превратились в основу для нормирования языка, в Испании, в отличие от Италии, не сложилось. Таким образом, подход, выбранный Алессандри, заявляющим об опоре на литературные образцы, но при этом описывающим «хороший узус», а не узус писателей, соответствовал как эпохе, так и требованиям его аудитории. В этой связи стоит отметить, что некоторые из примеров в грамматике скорее напоминают не цитаты из литературных произведений, а готовые клише, пригодные для воспроизведения в текстах делового стиля (письмах, реляциях и т. п.): “gli offersi la servitù mia qualunque ella si sia”; “a sua Altezza replicai quel che prima con gratissima audientia le haveva espoto” (LIIIv); “V.S. havia sido combidado” (QVIr); “Don Pedro de Haro me dió una carta de V.S. la qual aunque no viniera firmada” (QVIIIr).

Если говорить об ориентирах, неких престижных образцах узуса, на которые опирается грамматическое описание, то для Алессандри это, несомненно, узус придворных и в целом представителей аристократии. В рамках традиционной классификации участников итальянских «споров о языке» [9, 16, 17, 18] Алессандри можно отнести к поздним сторонникам «теории придворного языка» –

¹ Название пьесы достоверно не известно; исследователи полагают, что это была комедия Н. Секки «Интерес» [11, с. 140].

² “E dopo l’haver più volte trascorsi i migliori Autori c’habbiano scritto in lingua Castigliana composi il presente libro nel quale furon da me diligentemente raccolti i termini della medesima favella” (“Il paragone...” Allr).

направления, противопоставленного флорентинизму (сторонники нормализации языка с опорой на живой флорентийский диалект XVI в.) и пуризму (единомышленники П. Бембо и Ф. Фортуньо – сторонники ориентации на узус писателей XIV в.). Наиболее известными представителями «придворного» направления в спорах о языке были Дж. Триссино и Б. Кастильоне, чьи сочинения широко обсуждались в первой половине XVI столетия. Как и Дж. М. Алессанри, они придавали литературному языку большое общественное значение, рассматривая владение им не только как одно из важнейших и необходимейших качеств придворного, но и как компонент национальной идентичности.

Если флорентинисты, для которых их живой диалект фактически выполнял функцию обиходно-разговорного стиля литературного языка, были особенно чувствительны к вариативности языка в диафазии (в функционально-стилистическом отношении), то сторонники «придворной» теории столь же внимательно относились к вариативности в диастратии (в социальном измерении). О важности, которую Алессанри приписывал социальной иерархии и ее отражению в языке, свидетельствуют, среди прочего, его замечания, касающиеся использования итальянцами титула *Vostra Signoria*¹. Алессанри критикует итальянскую манеру называть синьором любого человека, независимо от его происхождения и достатка. С его точки зрения, это противоречит божественному установлению, согласно которому существуют благородные господа и обычные люди, и последние повинуются первым и оказывают им всяческое почтение. Алессанри ставит итальянцам в пример испанцев, которые говорят “*Signoria*”, лишь обращаясь к “*signori molto qualificati*”, да и во многих других отношениях де-

монстрируют благочестивое и добродетельное поведение: «Те, кто говорит, что это благодаря испанцам в Италии распространился титул *signoria*, явным образом обнаруживают, что не видели ни Испании, ни ее необычайно скромных нравов»².

Грамматику Алессанри также отличает нетипичное для итальянской грамматической традиции частое упоминание католической веры, что передает идеологическую атмосферу Контрреформации, особенно глубоко затронувшей жизнь европейских регионов, находившихся в культурной орбите Испании. В грамматическом сочинении непросто найти место для религиозной тематики, однако автору «Сопоставления тосканского и кастильского языков» удается это сделать и подчас довольно оригинально. Так, в первом разделе сочинения, посвященном фонетике и орфографии, описание звука/буквы³ «а» открывается утверждением, что сама манера произнесения «а» наводит на мысль о прославлении Бога⁴, а поскольку Испания и Италия едины в послушании святой вселенской католической церкви, то неудивительно, что «а» в испанском и итальянском языках произносится одинаково⁵. В другой ситуации апелляция к христианской доктрине позволяет Алессанри достаточно изящно обойти спорный вопрос об использовании артикля в атрибутивных словосочетаниях с предлогом *di*; грамматист отмечает, что в узусе встречается немало исключений из правила, предложенного им выше, но это лишь одно из бесчисленных несовершенств нашего падшего мира, существование которых Бог попускает для того, чтобы христиане понимали: единственная безупречная доктрина – это святая вера в том виде, в котором ее исповедует святая вселенская католическая церковь⁶. Итальянские лингвистические и общественно-политиче-

¹ “...mi par molto mal fatto, et senza alcun termine di giudicio, che persone particolari, non solamente senza vassali, e senza dignità, e officio, ma senza pane da mangiare s'habbiano da trattare in Italia di signoria, e non si facendo s'intenda lasciato per far ingiuria, né mi pare che si possa allegare per excusa di questo errore manifesto, che in ciò si dimostri cortesia, e che così il parlar sia più politico, perché questo potrebbe procedere quando la signoria non fosse propria d'è signori di titoli, alli quali di ragione conviene, e non è giusto che poi che Iddio ha voluto ch'alcuni siano signori, alcuni no, habbiamo noi da trattar tutti egualmente” (“Il paragone...” HVIIv-HVIIIr).

² “Onde chi dice che Spagnuoli habbiano seminato per tutti i campi d'Italia il nome di signoria, ben dimostra di non haver vista Spagna, né i suoi modestissimi costumi” (“Il paragone...” HVIIIr-HVIIIv).

³ О понимании минимальной единицы фонетического и орфографического уровней в античной, средневековой и ренессансной лингвистике см. [17, с. 9–10].

⁴ “Quando si pronuntia questa lettera a subito che s'aprono le labbra, si manda lo spirito tanto diritto al cielo, che facilmente si conosce l'huomo essere invitato da essa alle lodi del sommo Iddio et a riconoscere quello di Donatore di tutte le gratie” (“Il paragone...” Alr).

⁵ “Non sarà dunque maraviglia se la natione Italiana et Castigliana essendo concordevole nel religiosissimo culto divino, nella ubbidienza della santa, ortodossa, catolica et romana chiesa, et in ogni altra sorte di virtuose attioni, sia ancor conforme nella pronuntia di questa non mai apieno lodata lettera A” (“Il paragone...” Alv).

⁶ “La regola in effetto è bella et degna di molta osservatione, et quantunque si trovino essempli in contrario non è da maravigliarsi, perché fra l'altre imperfettioni nostre in questo mondo tenemo questa, et è grandissima che in tutte le discipline liberali si trovano contrarietà infinite et dubbii molte volte inestricabili, et ciò credo io che succeda permettendolo Iddio ad eruditione de christiani accio che s'avvegano che ogni dottrina è posta in ambiguo eccetto quella di amare, di servire et d'adorare la Maestà sua eterna co' santissimi santi suoi, la qual dottrina sola è quella che per fede sà, intende et crede i misteri divini raccolti nel grembo della santa Romana, ortodossa et catolica chiesa” (“Il paragone...” GVIV-GVIIr).

ские сочинения в большинстве своем не содержат столь прямых и эксплицитных доктринальных отступлений, даже если они посвящены духовному лицу (как, например, трактат «Полито» К. Толмеи и «Книга о придворном» Б. Кастильоне, посвященные Дону Мигелу да Силве, епископу Визеу [19], или «Письмо о буквах, недавно добавленных в итальянский алфавит» Дж. Триссино, адресованное папе Клименту VII). Таким образом, религиозный компонент в грамматике Алессандри, по всей вероятности, появился под испанским культурным влиянием.

В данной статье не ставилась задача исчерпывающим образом рассмотреть и описать все, что характеризует грамматику Дж. М. Алессандри как документ эпохи; мы ограничились лишь несколькими наблюдениями, призванными привлечь внимание исследователей к этому труду, почти не известному историкам лингвистики в России и за рубежом. Впрочем, в самое ближайшее время могут появиться новые исследования, посвященные сопоставительной грамматике Алессандри и другим описаниям испанского языка, адресованным итальянцам. В Университете Падуи в настоящее время действует исследовательский проект EPIGRAMA

(Espanol para Italianos, Gramáticas Antiguas), целью которого является создание электронного корпуса, включающего учебные грамматики, трактаты и словари испанского языка XVI–XIX вв., и подготовка критических изданий неизвестных и малоизвестных лингвистических трудов, входящих в этот корпус.

«Сопоставление тосканского и кастильского языков» Дж. М. Алессандри – одно из ранних свидетельств того, как итальянский язык, совсем недавно преодолевший непростой рубеж в своем историческом развитии и в результате превратившийся в нормированный литературный язык, постепенно приобретает международную известность и признание. Уже в следующем столетии Европу охватит мода на итальянское изобразительное искусство, архитектуру, театр и музыку, а европейские языки пополнятся многочисленными итальянскими заимствованиями. Не последнюю роль в распространении интереса к Италии сыграют испанцы – дипломаты, придворные, чиновники и прочие представители образованного класса, которым, наряду с итальянцами, и было адресовано «Сопоставление тосканского и кастильского языков».

Источники

1. Alessandri G.M. Il paragone della lingua toscana et castigliana. Napoli: Mattia Cancer, 1560.
2. Bembo P. Prose della volgar lingua // Bembo P. Prose della volgar lingua. Gli Asolani. Rime. / A cura di C. Dionisotti. Torino: UTET, 1966. 731 с. URL: <https://www.liberliber.it/online/autori/autori-b/pietro-bembo/prose-della-volgar-lingua/> (дата обращения: 18.08.2018).

Список литературы

1. Galli S. B. Il peso della memoria storica e l'identità culturale italiana // Atti del Convegno "Identità italiana tra Europa e società multiculturale". Siena: Biblioteca della Fondazione Intercultura, 2009. P. 47–59.
2. Шевлякова Д. А. Доминанты национальной идентичности итальянцев: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. 46 с.
3. Жолудева Л. И. Проблема национальной идентичности в итальянских исторических и лингвистических сочинениях XVI века // Вестник Московского ун-та. 2016. Серия 9: Филология. № 1. С. 111–119.
4. Vitale M. La questione della lingua. Palermo: Palumbo, 1978. 381 p.
5. Жолудева Л. И. Спор о названии языка в лингвистических трудах Чинквеченто как отражение проблем формирования итальянской идентичности // Древняя и Новая Романия. 2013. Т. 12, № 2. С. 36–48.
6. Bozzola S. Tra Cinque e Seicento. Tradizione e anticlassicismo nella sintassi della prosa letteraria. Firenze: Olschki, 2004. 167 p.
7. Buono B. Le Regole grammaticali di Giovan Francesco Fortunio e le grammatiche bilingui italiano-spagnolo nel Cinquecento // Cuadernos de Filología Italiana. 2017. Vol. 24. P. 59–73.
8. Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII). Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. 337 p.
9. Maiden M. Storia linguistica dell'italiano. Bologna: Mulino, 1995. 307 p.
10. Commedie del Cinquecento. A cura di N. Borsellino. Vol. I. Milano: Feltrinelli, 1962. 588 p.
11. Wilhelm R. Lo spagnolo in Lombardia. Spunti critici per una storia del plurilinguismo // Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII). Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. P. 127–151.
12. Sardo R. Scritture e 'interscritture' pratiche e burocratiche nella Sicilia spagnola // Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII). Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. P. 51–83.
13. Soares da Silva D. La coalescenza dei volgari nelle documentazioni giuridiche del Regno di Sicilia (sec. XVI) – riapertura di questioni archiviate // Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII). Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. P. 85–105.
14. Schwägerl-Melchior V. 'Plurilinguismo ricettivo: una chiave di lettura per l'Italia spagnola?' // Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII). Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. P. 261–279.

15. Trabalza C. *Storia della grammatica italiana*. Milano: Hoepli, 1908. 562 p.
16. Алисова Т. Б. Особенности становления норм итальянского письменно-литературного языка в XVI в. // Вопросы формирования и развития национальных языков. Труды Института языкознания. 1960. Т. X. С. 177–203.
17. Косарик М. А. Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии. Т. I: Фонетика. Морфемика. Морфология именных частей речи. М.: МАКС Пресс, 2013. 228 с.
18. Чельшева И. И. Теория и практика процесса языкового нормирования в Италии XVI в. // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 128–153.
19. Жолудева Л. И. К вопросу о португало-итальянских культурных связях в эпоху Возрождения: Мигел да Силва, кардинал Визеу и его итальянские собеседники // Вопросы иберо-романистики. Москва: МАКС Пресс, 2016. Вып. 15. С. 69–77.

Жолудева Любовь Ивановна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (ул. Ленинские горы, 1-51, Москва, Россия, 119991). E-mail: l.zholudeva@gmail.com

Материал поступил в редакцию 19.10.2018.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-62-68

THE COMPARATIVE GRAMMAR BY G. M. ALESSANDRI AS A PIECE OF EVIDENCE REGARDING LINGUISTIC AND CULTURAL CONTACTS BETWEEN ITALY AND SPAIN IN THE XVI CENTURY

L. I. Zholudeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

The present paper is devoted to a little-known XVI-century piece of linguistic writing – the comparative grammar of Italian and Spanish (“Il paragone della lingua toscana et castigliana”, “The comparison of Tuscan and Castilian languages”, 1560) by Giovanni Mario Alessandri, a Naples-born courtier. The grammar was meant both for the Spanish nobles eager to learn Italian and for the Italians who pursued a career at the Spanish court. In many ways “Il paragone” stands apart from the bulk of the Italian grammatical treatises of that epoch. Alessandri does not cite classic authors like Boccaccio or Petrarch to support theoretical points although it is on such XIV-century literary basis that the Italian language norm is based. The grammar contains a number of interesting comments of socio-linguistic nature, like those regarding social hierarchy and its impact on language use (the use of “Vostra Signoria”, for instance). It also gives an idea of how the ideology of Counter-Reformation could influence grammaticography in the Romance world (hence the frequent appeals to the authority of Catholic church – quite a queer feature for a grammatical treatise). G. M. Alessandri’s views on language have much in common with those of B. Castiglione, G. Trissino and other XVI-century Italian theorists of “courtly” language.

Key words: *history of Italian, history of Romance linguistics, grammaticography, XVI-century Italian language, questione della lingua, language norm.*

References

1. Galli S. B. *Il peso della memoria storica e l'identità culturale italiana. Atti del Convegno "Identità italiana tra Europa e società multiculturali"*. Siena: Biblioteca della Fondazione Intercultura, 2009. Pp. 47–59.
2. Shevlyakova D. A. *Dominantny natsional'noy identichnosti ital'yantsev*. Avtoref. dis. dokt. kulturologii [Dominants of the Italians' national identity. Abstract of thesis. dr. of culturology]. Moscow, 2011. 46 p. (in Russian).
3. Zholudeva L. I. Problema natsional'noy identichnosti v ital'yanskikh istoricheskikh i lingvisticheskikh sochineniyakh XVI veka [The problem of national identity in the XVI-century Italian historical and linguistic treatises]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2016, no. 1, pp. 111–119 (in Russian).
4. Vitale M. *La questione della lingua*. Palermo: Palumbo, 1978. 381 p.
5. Zholudeva L. I. Spor o nazvanii yazyka v lingvisticheskikh trudah Chinkvechento kak otrazhenie problem formirovaniya ital'yanskoj identichnosti [The controversy on language name in the XVI-century linguistic treatises as a reflection of Italian identity development problems]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 2013, vol 12 (2), pp. 36–48 (in Russian).
6. Bozzola S. *Tra Cinque e Seicento. Tradizione e anticlassicismo nella sintassi della prosa letteraria*. Firenze: Olschki, 2004. 167 p.
7. Buono B. Le Regole grammaticali di Giovan Francesco Fortunio e le grammatiche bilingui italiano-spagnolo nel Cinquecento. *Cuadernos de Filología Italiana*, 2017, vol. 24, pp. 59–73.
8. Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) *Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII)*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. 337 p.
9. Maiden M. *Storia linguistica dell'italiano*. Bologna: Mulino, 1995. 307 p.

10. *Commedie del Cinquecento*. A cura di N. Borsellino. Vol. I. Milano: Feltrinelli, 1962. 588 p.
11. Wilhelm R. Lo spagnolo in Lombardia. Spunti critici per una storia del plurilinguismo. Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) *Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII)*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. Pp. 127–151.
12. Sardo R. Scritture e 'interscritture' pratiche e burocratiche nella Sicilia spagnola. Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) *Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII)*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. Pp. 51–83.
13. Soares da Silva D. La coalescenza dei volgari nelle documentazioni giuridiche del Regno di Sicilia (sec. XVI) – riapertura di questioni archiviate. Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) *Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII)*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. Pp. 85–105.
14. Schwägerl-Melchior V. 'Plurilinguismo ricettivo: una chiave di lettura per l'Italia spagnola? Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) *Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI–XVII)*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. P. 261–279.
15. Trabalza C. *Storia della grammatica italiana*. Milan, Hoepli, 1908. 562 p.
16. Alisova T. B. Osobennosti stanovleniya norm ital'yanskogo pis'menno-literaturnogo yazyka v XVI v. [Peculiarities of the Italian literary language normalization in the XVI c.]. *Voprosy formirovaniya i razvitiya natsional'nykh yazykov. Trudy Instituta yazykoznaniiya* [Issues of formation and development of national languages. Proceedings of the Institute of Linguistics]. 1960. Vol. X. Pp. 177–203 (in Russian).
17. Kosarik M. A. *Opisaniye yazykovoy sistemy v rannikh lingvisticheskikh pamyatnikakh Portugalii. Tom I. Fonetika. Morfemika. Morfologiya imen'nykh chastey rechi* [Description of language system in early Portuguese linguistic treatises. Vol. I. Phonetics. Morphemics. Morphology of nominal parts of speech]. Moscow, MAKS Press Publ., 2013. 228 p. (in Russian).
18. Chelysheva I. I. Teoriya i praktika protsessa yazykovogo normirovaniya v Italii XVI v. [Theory and practice of language normalization in the XVI-century Italy] *Yazykovaya norma. Tipologiya normalizatsionnykh protsessov* [Language norm. Typology of normalization processes]. Moscow, Institute of linguistics RAS Publ., 1996. Pp. 128–153 (in Russian).
19. Zholudeva L. I. K voprosu o portugalo-ital'yanskikh kul'turnykh svyazyakh v epokhu Vozrozhdeniya: Migel da Silva, kardinal Vizeu, i ego ital'yanskiye sobesedniki [On the Portuguese-Italian cultural contacts in the Renaissance: Miguel da Silva, cardinal of Viseu, and his Italian interlocutors]. *Voprosy ibero-romanistiki*, 2016, issue 15, pp. 69–77 (in Russian).

Zholudeva L. I., Lomonosov Moscow State University (Leninskie gory, 1-51, Moscow, Russian Federation, 119991). E-mail: l.zholudeva@gmail.com